

Волошин

Иван Яковлевич

КОМИССАР ИВАН ВОЛОШИН

Уже много лет меня не покидает чувство невольной вины перед человеком, к которому питал глубокое уважение.

Обострилось это чувство, когда как-то проездом завернул в Алексеевку, чтобы поклониться его праху. Не раз и не два исходил вдоль и поперек довольно запущенный деревенский погост, пока - и то с помощью местных старожилов - в зарослях густого и буйного бурьяна обнаружил жестяную пирамидку с небрежной надписью «Волошин Иван Яковлевич». Было горько думать, что забвению предан человек, до обыденного скромно проживший легендарную жизнь и достойный доброй и долгой людской памяти.

Еще в те давние годы собирался рассказать о нем. Да все откладывал: надо подкопить материала, такой характер не вместишь в размеры районной газеты. Потом уехал из района. Новая работа. Вот освоюсь и за очерк. И опять наша российская манера - на потом. Казалось, время терпит. И... не успел.

Теперь, стоя у забытого обелиска, подумал, что о такой неординарной судьбе рассказать никогда не поздно. Правда, ныне не в моде люди, у которых можно и надо бы учиться преданности долгу, бескорыстию, самоотверженности. Печать и телевидение с легкостью необыкновенной причисляют к сталинистам и консерваторам все фронтовое поколение, иронизируют, потешаются над его приверженностью социалистическим идеалам, боевым традициям.

Время рассудит всех. Но и на короткой исторической дистанции каждому, кто лишен предвзятости, видно, что фронтовое поколение - это, может быть, лучшее в российской истории.

Представителем этого поколения был Иван Яковлевич Волошин.

Чтобы написать о нем я перелистал сохранившиеся у меня старые репортерские блокноты. Перечитал пожелтевшие подшивки районной газеты, протоколы Кормиловских партийных форумов, другие на архивные материалы той поры. Это помогло восстановить утраченную память и подготовить этот рассказ.

...Впервые с Волошиным я встретился весной 55-го в кабинете первого секретаря Кормиловского райкома партии А.И.Надеждиной. За длинным приставным столом сидел представительный сидящий мужчина с простым крестьянским лицом и доброжелательным взглядом из-под нависших бровей.

-Вот Иван Яковлевич, из солнечной Молдавии просится к нам, в Сибирь, - ввела меня в курс разговора Александра Ивановна.

-Земля предков зовет, - как-то застенчиво откликнулся посетитель, - корни мои здесь.

Кадровых прорех в районе было предостаточно. Надеждина предложила подвернувшемуся политработнику место в райкоме партии. Назвала ряд районных постов. Волошин настойчиво просился в колхоз, на любую работу.

Мне показалось, что просьба эта - дань моде.

Было время послесталинских преобразований сельского хозяйства, время больших крестьянских надежд. После сентябрьского (1953г.) пленума ЦК КПСС из городов и райцентров по партийному призыву шли в село «тридцатитысячники». Они принесли в колхозы, совхозы, МТС промышленную производственную культуру, организованность, деловитость. Но многие брались за руководство сельскохозяйственным производством, не вникнув в крестьянскую психологию, в сельский уклад. Потому и не прижились ко двору. В Сыропятском колхозе председателем сделали кандидата наук. Способный ученый сельскохозяйственного института, он так и не стал хозяйственником и вскоре оставил колхоз, попросту ретировался восвояси. Недолго директором Кировской МТС проработал крупный инженер одного из ведущих омских заводов. Тоже не разобрался в сельской специфике. И таких примеров было предостаточно.

Тем не менее, проситься на работу в колхоз для руководящего партактива тогда было не только хорошим тоном, но и обязанностью. Отчетливо помню, как

заведующий районным отделом культуры, поэт и щеголь Гена Ураков бойко заявлял с трибуны о готовности пойти председателем в любой колхоз. И это воспринималось под аплодисменты. В то же время осуждалась позиция второго секретаря райкома партии - учителя по образованию - за то, что публично не изъявил желания ехать на работу в деревню.

У Волошина, как показала жизнь, это был осознанный шаг. Он сам выбрал свою судьбу и остался верен слову до конца. Иван Яковлевич стал заместителем председателя колхоза «Заветы Ильича» и секретарем колхозной парторганизации. А менее чем через год колхозники единодушно избрали его своим председателем. Причем, это не было привычное равнодушное единогласие. Не успел присутствовавший на собрании секретарь райкома партии П.И.Голик выйти на трибуну с рекомендацией, как из зала раздалось: Волошина председателем. По душе пришелся колхозникам серьезный, покладистый, по-военному точный и обязательный парторг. Он уже величал всех в деревне по имени- отчеству, бывал в семьях. Добрым словом и участием помогал селянам одолевать житейские невзгоды.

Еще через год председатель докладывал отчетному собранию колхозников (из статьи в районной газете «За коммунизм»): кроме коровника и телятника в колхозе построены детские ясли. В новое помещение переселилась библиотека. Рассказал Волошин, что удалось сделать для улучшения условий труда и быта механизаторов, доярок, о росте зарплат колхозников. За год надои от каждой коровы поднялись на 530 литров, повысилась урожайность. Широкий шаг, который сделал колхоз, заслуга, конечно, не одного Волошина. Сказалась новая обстановка на селе. Но он вселил веру, зажег интерес, за ним пошли люди.

Два года председательствовал Иван Яковлевич. Крепло руководимое им хозяйство. Но нахлынула очередная волна бесконечных хрущевских новаций. Из 17 колхозов на базе Кировской МТС образовался Юрьевский совхоз. В него влился колхоз Волошина.

Директор совхоза А.И.Аносов попросил райком партии направить в этот гигант, занимавший почти половину района, опытного партийного работника.

И.Я.Волошин стал секретарем парткома совхоза. Комиссарское дело для военного политработника было привычным.

Волошина трудно было застать в конторе. Постоянно на отделениях. Узнает, изучает людей, ближе знакомится с руководящими кадрами. Добивается оживления работы парторганизаций. Налаживает учебу партийного актива. Организует соревнование, формирует идеологический костяк из учителей и специалистов. Первое, за что настойчиво взялся парторг, за улучшение условий труда животноводов, прежде всего, женщин. На фермах появляются простейшие бытовки, теплые и чистые красные уголки. Испокон веку в МТС было заведено: зимой собирать механизаторов со всех деревень для ремонта тракторов и комбайнов. Приезжали со своим харчем, месяцами жили, где попало, как придется. Получалось, что летом тракторист с рассвета до темна в поле, зимой опять вдали от семьи - на ремонте. По инициативе Волошина партком поставил вопрос о создании в совхозе постоянных кадров ремонтников. Практика казарменного сбора механизаторов на ремонт была прекращена.

Парторга заботила пассивность в комсомольских организациях отделений. Нужен был вожак. Волошин рекомендовал комсомольцам совхоза избрать секретарем комитета ВЛКСМ молодого коммуниста главного агронома Виктора Хамазу. Недавний выпускник сельскохозяйственного института, рослый, независимый, смелый в суждениях, он обладал явными задатками лидера. Зашевелилась комсомольская жизнь. Росло влияние партийной организации.

В те годы я был редактором районной газеты. В своих мотаниях по району «ради нескольких строчек в газете» часто заворачивал в Юрьевский совхоз. И, конечно, шел к Волошину. У него всегда можно было раздобыть нужную информацию о людях в совхозе, узнать адреса опыта. С ним интересно было порассуждать об извечных неубывающих сельских проблемах. Меня привлекали его смелые суждения, свой взгляд на происходившие в жизни события, незашоренность мыслей.

11орой, оставив у конторы редакционный мотоцикл, я садился в партторговский ходок и мы вместе отправлялись «в люди». В тот раз приехали на Байкальское

отделение. Из блокнота: «Ночью перестал нудный мелкий дождь - «мгычка». На Байкальском току скопилось много хлеба. Волошин с управляющим, горячим и резким Ф.С.Катковым, осмотрели бурты. По нижней кромке их набухшее зерно, проглядывают зеленые шильца.

-Надо бы ночную смену, чтоб проветь хлеб, Фаддей Семеныч, - предложил Волошин.

-Нету людей, - ошетинился Катков, - всех уже я замордовал.

-Может доярочек попросить. Да пенсионерок?

-Они ж только с дойки. Еще, поди, грязь с себя не соскребли.

-Где живет Анфиса Пикалова? Она, кажется, у женщин поводырь?

И вот Волошин дома у Пикаловой.

-Как твои сорванцы, Анфиса?... - О внуках женщина готова говорить без умолку.

На току стайка женщин. Ругань, колкости, смех. Загрохотали решета «острожки». Мерцающая лампочка (барахлит движок) выхватывает лица Ольги Кабачковой, Марии Швец, Елены Киселевой. Волошин по переменке с Пикаловой крутит веялку. Хлеб будет спасен».

Доброжелательный и мягкий в общении парторг становился кремнем, когда дело касалось принципиальных вопросов. Помню, с какой прямо таки отеческой любовью он отзывался о новом главном агрономе Викторе Хамазе. Но когда тот начал обучать механизаторов агрономическим премудростям с помощью своих пудовых кулаков, Волошин поставил вопрос на парткоме. Лишь ссылка на молодость побудила членов парткома ограничиться взысканием незадачливому «купцу Калашникову».

В районе были частые сборы актива, и Волошина скоро знали все. В живых кулуарных дискуссиях он, как правило, оказывался в центре. К нему тянулись люди. А когда на районных совещаниях и собраниях возникал трудный, а нередко тупиковый вопрос, Надеждина обращалась к Волошину:

-А как Вы, Иван Яковлевич, считаете?

Он говорил без ораторских эффектов и словесной зауми, просто и взвешенно. Это чаще были размышления, аргументированные доказательства. Кадровый военный, он, тем не менее, не допускал и намека на командный тон. Не помню, чтобы он пользовался цитатами вождей, которые в те поры в речах были неотъемлемым ритуалом. Выступления Волошина не обходились без критики. Архивные протокол 1.1 напомнили мне, как настойчиво Иван Яковлевич восставал против института уполномоченных, десятилетиями считавшегося универсальным методом партийного руководства колхозами и совхозами.

Он доказывал, что мелочная регламентация работы партийных организаций гасит инициативу, порождает ржавчину формализма, наносит вред партийному делу. Доставалось от Волошина тем райкомовским работникам, в том числе и секретарям райкома, которые общались с людьми по формуле: «давай-давай, шуруй-шуруй».

Так получилось, что за короткое время Иван Яковлевич стал одним из авторитетных людей района.

После очередной партийной конференции собрался организационный пленум райкома партии. Он начался привычно, гладко. Единогласно избрали первого, второго секретарей. Надеждина назвала кандидатуру на секретаря по идеологии. И тут произошла заминка. Слово попросил председатель колхоза из деревни Борки М.И.Ермоленко.

-Вношу предложение избрать Ивана Яковлевича Волошина. Он идеолог от бога.

С поддержкой этой кандидатуры выступил другой председатель колхоза И.Д.Карев. На трибуну заторопился директор Юрьевского совхоза А.И.Аносов.

-Надо же, товарищи, учитывать ситуацию. Совхоза еще по существу нет. Это пока конгломерат деревень. Предстоит огромная партийная и политическая работа по созданию коллектива. Нам без Ивана Яковлевича невозможно!

Обстановку разрядил сам Волошин.

-Прошу оставить меня в совхозе.

...Только селянин знает, насколько желанна и трудна жатва венец долгого и мудрого пути сотворения хлеба. Ее, как свидания, ждут с трепетным нетерпением, тревогой и надеждой. Далеко не всегда оправдываются крестьянские ожидания. Уборка 58-го года обещала полновесный сбор. Добрые хлеба уродились на сыропятских черноземах. Я поехал туда, чтобы рассказать в газете о двух давнишних соперниках, больших мастерах жатвы Федоре Падалице и Александре Чердынцеве. В конторе отделения мне подсказали, как найти загонки, на которых работали комбайнеры.

...На мостике комбайна рядом с Падалицей я увидел крупную фигуру парторга. Постоянное общение в разных ситуациях сближало Волошина с людьми. И мне казалось, что его понимали с полуслова. Когда агрегаты остановились и комбайнеры устроились у соломенной копны на обед, Иван Яковлевич, вместе со всеми хлебая наваристый борщ, как бы констатировал:

-Савостиков из Михеевки вчера подобрал 32 гектара... Метеосводка тревожная.

-Сегодня поработаю до росы, - обронил Падалица.

-Значит, и мне деваться некуда, - шутливо развел руками Чердынцев.

-Спасибо, ребята - руки парторга коснулись плеч комбайнеров.

- А я позабочусь о горячем ужине.

Спускались сумерки. Гул машин то приближался, то терялся вдали. Мы с Волошиным остановились на высоком яру у Омки.

-Река моего детства. - тихо, раздумчиво произнес Иван Яковлевич.

Я не упустил случая, чтобы расспросить о жизни интересовавшегося меня человека.

...Родом Волошин из Куликова, что под Калачинском. Село большое, красивое. Улицы лепились к Оми и повторяли ее зигзаги. Первейшей достопримечательностью была школа. Старейшая, знаменитая учителями. Видно потому в первые годы советской власти здесь, в Куликово, организовали детский дом. Беспризорников свозили со всех концов и учили в школе крестьянской молодежи. Помимо учебных предметов в тогдашней школе учили крестьянскому труду, приучали чувствовать и понимать землю. Именно в детдоме появилась

комсомольская ячейка. Из сельских ребят одним из первых в нее вступил Ваня Волошин. Живой, рассудительный, он активно включился в работу по ликвидации безграмотности, вместе с партийцами ходил по крестьянским дворам, агитировал за ТОЗ. Когда в селе образовалась потребительская кооперация, комсомольская ячейка рекомендовала Ивана в правление. А вскоре, в свои неполные 18 лет, он стал председателем сельпо.

Жизнь в Куликово забурлила, когда в ШКМ появился новый учитель обществоведения Михаил Мартынович Смирнов. Невысокого роста, энергичный, общительный, в длинной шинели и буденовке, он стремительно ворвался в общественную жизнь села. Организовал кружок политграмоты, убедил крестьян раскошелиться и собрать деньги на радио. При нем начало действовать товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ), заговорили о колхозах. Молодежь стремилась в школу, где Смирнов организовал драмкружок.

Здесь же ребята и девчата разучивали новые песни. «Там вдали за рекой». «Мы красные кавалеристы». Авторитет и влияние Смирнова в селе стали быстро расти. Коммунисты избрали его секретарем партячейки. Зато невзлюбили напористого, решительного большевика местные богатеи.

Ваня Волошин участвовал во всех затеях нового учителя, старался быть рядом с Михаилом. Частенько засиживался у тетки Нонны Волошиной, где квартировал Смирнов. О многом было переговорено в те поздние вечера. Может, тогда и определился жизненный путь сельского паренька. Иван по доброму завидовал тому, что Михаил, всего на 3-4 года старше его, уже многое успел в жизни.

По рекомендации Смирнова Волошина избрали секретарем Калач инского укома, а потом райкома комсомола, где он с пылом молодости окунулся в кипучую комсомольскую романтику.

Как гром среди ясного неба была для Ивана весть о гибели дорогого ему старшего товарища. Смирнова выследили кулаки. Поздним вечером он вернулся домой. Раздался выстрел через окно... «И боец молодой вдруг поник головой...»

-Понимаешь, на похоронах плакал, - говорил мне Иван Яковлевич. - Михаил был прекрасный товарищ, настоящий комиссар.

Потом Волошин работал в Саргатском райкоме, Омском окружкоме, Сибкрайкоме комсомола. И всегда перед глазами был пример этого комиссара.

В 30-м году Волошин ушел в армию. После полковой школы снова на комсомольскую работу, секретарем комсомольского бюро полка. А как только стал членом партии, избрали секретарем партбюро отдельного танкового батальона. Теперь уже вошло в привычку начинать и заканчивать день среди бойцов. С ними он был и в строю, и в минуты отдыха. По инициативе парторга танкисты участвовали в городских спартакиадах, бывали в школах, вели всеобуч допризывной молодежи. Волошина избрали членом Хабаровского горкома партии.

Служба и партийная работа у поли трука ладилась и потому, что всегда чувствовал надежную поддержку комиссара батальона Пищальникова - крепкого характером человека. Кадровый военный политработник, он для молодого политрука был мерилom справедливости, воинской чести.

И вот нахлынул девятый вал 37-го. Глухие раскаты этого беспощадного смерча сначала слышались издали. Косили военные кадры по этажам. Сначала верхние, потом ниже. Волошин был потрясен, когда объявили врагом народа и забрали Пищальникова. С этим он не мог смириться. Пренебрегая грозными последствиями, обратился в политотдел дивизии. Там развели руками, показывая в потолок, мол, это соображения высшего порядка. Секретарь собрал заседание партбюро части, где созрело решение: обратиться в политуправление ОДВА с ходатайством разобраться с несправедливостью в отношении Пищальникова. Потом написал письмо Ворошилову.

-Кончилось тем, что исключили меня из партии за политическую близорукость и связь с врагом народа.

Но далеко не закончилось этим дело для Ивана Яковлевича. Из танкового батальона его убрали, перевели на рядовую интендантскую службу. А через год унижений и третирования спровадили на гражданку.

Вернувшись в Омск, Волошин обходил множество предприятий и организаций в поисках работы. Везде, оказывался, не нужен. Одно упоминание о причинах увольнения из армии ставило непреодолимый барьер. Чтобы прокормиться

разгружал вагоны, баржи, пробавлялся случайной работой. Обносился, обнищал. Были и минуты отчаяния.

...Для меня этот рассказ был откровением. Передо мной был человек, на себе испытывавший беззакония и несправедливость. И после стольких потрясений не сломился, не озлобился, не разуверился. Наоборот, в нем чувствовалась огромная сила духа. От него исходила неколебимая вера в добро, в справедливость, в партию. Почему это? Так я и задал вопрос рассказчику.

- Вот мы стоим на берегу реки, - не сразу ответил Иван Яковлевич.

- Отсюда не узнаешь ее глубины, тем более не научишься плавать. Мне довелось окунуться в ледяную купель. Я понял многое... Ты знаешь, не люблю громких слов, но тут. один на один, скажу: в партии для меня вся суть бытия. В ней - правда. Верой в это и живу.

...На глади реки трепетала лунная дорожка. Мимо нас протарахтела повозка. Комбайнерам повезли горячий ужин. Волошин пошел поговорить, посидеть с механизаторами. Я уместился в копне соломы и, помня завет мудрых о том, что самые бледные чернила лучше самой яркой памяти, остался наедине с блокнотом.

Мои записи при луне прервал приход Ивана Яковлевича, и я снова нетерпеливо полез к нему с вопросами.

- А как Вы тогда оказались в Кормиловке?

- Проще простого. После очередных попыток найти в Омске работу возвращался в Куликово. На авось сошел с поезда в Кормиловке, походил по организациям, потом зашел в райком партии. Первым секретарем был тогда Михаил Евдокимович Власов. Он доброжелательно встретил меня, будто не замечая моего далеко не респектабельного вида. Почувствовав участие, я выложил ему все как на духу. Сильно он помог мне в жизни.

Власов помог опальному политработнику устроиться учителем в Черниговской НСЛЛ и посоветовал написать письмо «прямо товарищу Сталину». Но Волошин не счел возможным обременять вождя народов. Власов рискнул сам обратиться в ЦК

ВКП(б) с просьбой вмешаться в судьбу коммуниста Волошина. И случилось невероятное.

Через полгода Ивана Яковлевича вызвали в райком партии. Власов, по-братски обняв, вручил ему партийный билет. Решением парткомиссии главПУРККА Волошин был восстановлен в партии, правда, с объявлением взыскания «за политическую близорукость». Почти три года душевных страданий за то, что защищал святые понятия - воинское товарищество и честь командира.

Ивана Яковлевича взяли в райком партии пропагандистом. Потом он возглавил отдел пропаганды и агитации. Верхом на лошади, на попутных, а чаще «на своих двоих» он вдоль и поперек исходил сельские проселки. Появлялся в школах, на полевых станах, на выпасах, а вечерами был в клубах, избах-читальнях и просто на посиделках среди молодежи. Не чурался крестьянской работы. Особенно любил сенокосную пору, когда можно потешить мускулы косой или подцепить трехрожковыми деревянными вилами полкопны, да повыше на стог. А в короткие минуты отдыха-душевный разговор с людьми. Иван Яковлевич умел слушать и слышать людей, умел рассказать сам. Затемно заканчивалась работа. Усаживались косари брошенное в бричку разнотравное душистое сено и до самой деревни в гулкой тиши колков голосисто звенела песня. После урожайного 38-го года красиво и дружно работали люди. И песни были добрые, подъемные. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Ой, вы, кони... стальные...». Бойкие, веселые частушки. Чаще деревенские певцы предпочитали старинные песни - раздольные, многоголосые. Во многих семьях появились велосипеды, патефоны. Крестьяне ощутили достаток.

В дальних деревнях Иван Яковлевич нередко задерживался на 2-3 дня. На постой определяли к какой-нибудь бабке Матрене или Корнеичу. Радые свежему человеку, хозяйева с истым русским хлебосольством выкладывали нехитрые крестьянские яства. За вечерним чаем собирались семьей, и то и соседи заглядывали ненароком.

И завязывались неспешные разговоры о хлебе насущном, о вечных крестьянских заботах. И может непроизвольно выплескивались томившие душу

раздумья о непосильных налогах на клочок огородной земли, на скот, о том, что хочешь - не хочешь, надо сдать немалую долю молока, мяса, шерсти. А ведь с огорода да подворья кормилась и одевалась семья. На трудодни чаще доставались копейки, а то и одни палочки. Крестьяне не знали об отпусках, не ведали о пенсиях.

Эти тяжелые думы народные не вязались с эйфорией восхваления достижений. Иван Яковлевич понимал людей, как бы сливался с ними. Крепло святое уважение к крестьянскому труду, к крестьянским заботам. В гуще людской оттаяло сердце, сгладились обиды. Он обрел прежнюю уверенность. И люди верили слову пропагандиста и агитатора.

...Уже светало, когда смолк гул комбайнов. Падалица и Чердынцев сдержали слово. По росе разъехались и мы с Волошиным.

Осенью 59-го у Ивана Яковлевича случился тяжелый сердечный приступ. Поздним вечером я возвращался через Алексеевку с дальнего отделения от Серафима Гладкова - бригадира животноводства и активного селькора районной газеты. Увидел свет в окне совхозной конторы, заглянул на огонек. Волошин как-то нахохлившись сидел за столом. Осунувшийся, бледный.

-Готовлюсь к отчетно-выборному партсобранию, - устало сказал он. - Да вот, что-то прихватило. Пытался идти домой - ноги ватные, левая рука чужая.

Я помог Ивану Яковлевичу добраться до дому. Здесь он вспомнил:

-Вон на полке красная книжица, о которой я говорил тебе тогда на бахче. Возьми, почитай.

После больницы, на отчетно-выборном партсобрании парторг попросился в отставку. Коммунисты с сожалением удовлетворили просьбу. Малость одыбавшись, Волошин пришел к Аносову. Не мог быть комиссар на обочине. Несколько лет потом проработал управляющим отделением, экономистом. Ему предлагали переехать поближе к больнице, звала дочь в Молдавию. Но он остался в Алексеевке. Навсегда.

...На лесной луговине близ Михеевки бывший председатель местного колхоза И.Я.Мироненко разбил бахчу и с неистребимым крестьянским упорством выращивал арбузы. Это была еще юношеская мечта старого агронома-здесь, в

суровом сибирском краю растить «кавуны як на Украине». Некоторые односельчане посмеивались над чудачеством старика. Но арбузы выросли. В совхозную столовую с этого огорода поступали и другие овощи. Потом здесь зацвели яблоньки, разрослись ягодники, взлелеянные той же рукой. Они цвели и после того, как не стало садовника.

Я был дружен с семьей Мироненко и не упускал случая завернуть на бахчу, отведать «кавуна». Здесь как-то и встретил Волошина. Мы засиделись у шалаша. У моих сверстников и теперь в ходу вопрос «где воевал?» А тогда он был обиденным. Я привычно задал его Волошину.

...В полдень 22 июня 1941 года Иван Яковлевич услышал по радио сообщение о войне. Долг и сердце патриота подсказали, как поступить. Перед тем, как ехать к народу, чтобы быть с ним в эту тяжелую, скорбную минуту, Волошин зашел в военкомат.

-Ты первый, Иван, - встретил его районный военный комиссар капитан Овсянников. - Это судьба! Надежда на Иванов. Они заслонят Родину от вероломного врага.

Несколько месяцев в запасном батальоне в Омске были томительными. В июле 42-го на Сталинградский фронт под Котлубань. Сначала комиссаром 817 отдельного автобатальона, а потом 132 армейского полка связи. С этим полком в составе 4 гвардейской армии он прошел всю войну. Красноречивые вехи этого пути: Сталинградское противостояние и прорыв, битва за Днепр, освобождение левобережной Украины от Ахтырки до Кременчуга, Корсунь-Шевченковская, Яско-Кишеневская операции, взятие Будапешта, Вены. Сталинградский, Степной, Воронежский, 2-й и 3-й Украинские фронты. Румыния, Венгрия, Австрия. Одно это перечисление вызывает уважение к такой фронтовой биографии. Я по доброму завидовал ратной судьбе собеседника и попросил его рассказать эпизоды из его личной фронтовой жизни.

-У меня есть рукописная книжка о нашем полке. Дам почитать. -Уклонился Иван Яковлевич.

Я прочитал потом ту красную книжицу. Она сшита из разных слоев бумаги. Видно, писана в разное время, в разной обстановке, на чем приходилось. И лишь потом облечена в самодельный красный переплет. На первом листе надпись: «Боевой путь 132 отдельного Кишиневского орденов Александра Невского и Красной Звезды полка связи». Четким убористым почерком по военному кратко в рукописи изложены события, эпизоды, острые боевые ситуации. Названы фамилии участников событий - командиров, политработников, солдат. Рассказано о героизме и утратах. Захватывающая летопись войны! Корю себя за то, что изменил тогда своей привычке записывать интересное. Помню, что снова испытал досаду, не найдя упоминания о заместителе командира полка по политчасти Волошине. Сказал потом об этом Ивану Яковлевичу.

-Воевал как все, - ответил он.

Я понял, комиссар сам вел ту летопись. О себе писать считал нескромным.

Лишь в личном деле военного пенсионера Волошина, с которым мне помог ознакомиться Омский областной военный комиссар генерал В.М.Ермоленко, удалось найти кое-какие детали военной биографии комиссара полка.

Помимо пенсионных ведомостей здесь боевые характеристики, аттестации, наградные листы. Сухой, лаконичный военный язык. Но и через официальный стиль письма угадывается незаурядный характер одаренного политработника, мужественного воина. Вот лишь строки документов.

«.. .Обладает организаторскими способностями. С его приходом в полк резко улучшилась дисциплина и порядок в подразделениях. Основной стиль работы - индивидуальный подход к каждому солдату, сержанту, офицеру. Хорошо знает людей... Имеет большую силу воли и влияние на подчиненных, требователен... Всегда подтянут, правдив, скромн в быту...

В период напряженных боев все время находился в подразделениях, обеспечивал оперативную, надежную связь штаба армии с соединениями и частями... Всегда лично был там, где наиболее ответственная обстановка... Во время форсирования р.Дунай..., в наступательной Яско-Кишиневской операции..., под Будапештом, в районе оз.Балатон, под г.Секешвехервар... умело расставлял силы

политработников, сам был среди солдат.... Принимал активное участие в боевых действиях и показывал личный пример мужества...»

Под этими характеристиками разных лет стоят подписи командующих 4 гвардейской Армией генерал-лейтенантов Деревянко, Галанина, Захватаева, членов военного совета генералов Гаврилова, Шепилова. А вот еще примечательный гербовой лист, помеченный 1947 годом. «Главкомандующему сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР маршалу Советского Союза И.С.Коневу. Представление. На майора Волошина И. Я... умело руководит

политаппаратом..., имеет большой опыт партийно-политической работы в войсках. Проявляет постоянную отеческую заботу о личном составе, вникает в жизнь и быт части. Обладает большим боевым опытом. Пользуется заслуженным авторитетом. Энергичный волевой офицер... В связи с расформированием 132 полка связи... прошу утвердить майора Волошина в должности заместителя командира по политчасти 179 гвардейского стрелкового полка 59 гвардейской стрелковой дивизии. Командующий войсками Одесского военного округа маршал Советского Союза Г.Жуков, начальник политуправления ОдВО генерал-майор Соломко».

Скупые письма военных скрижалей. За ними запредельное напряжение сил человеческих, горечь невозможных утрат, благородство порывов, ликование побед. Переливающиеся сверкающими и темными гранями алмазные песчинки истории. Из них состоит материя жизни.

В личном деле я натолкнулся на сообщение о ранении Волошина. Вспомнил, как вытягивал из него рассказ об этом эпизоде. Обнаружил в блокноте пометки: фамилии, населенные пункты, действия.

...Зажатая тисками двух Украинских фронтов, Корсунь- Шевченковская группировка прот ивника оказалась в котле. Завершив ее окружение, мощная лавина из танковых и общевойсковых армий, в которой находилась и четвертая гвардейская, двинулась от Звенигородки на Запад, отражая яростные контрудары немецко- фашистских войск, рвавшихся на выручку окруженной группировке. Противник, откатываясь, цеплялся за любой рубеж. На Южном Буге бои

ожесточились. Линия соприкосновения противостоящих войск непредсказуемо менялась, что осложняло обеспечение связи штаба армии с соединениями и частями.

Начальник связи армии полковник Сухих вызвал командира полка связи Давыдова и замполита Волошина и приказал обеспечить развертывание вспомогательного пункта управления войсками ближе к передовой, в районе села Берестяги. Выполнение задачи Волошин взял на себя.

С группой бойцов отправился к пункту назначения. Всюду по пути искореженная военная техника. Дым недавнего боя. Работают трофейные команды. Ночью короткая остановка в селе Свинарка, потом дневной привал в Пикуче и к вечеру подходили к Берестягам.

Лишь поравнялись с первыми хатами - взрыв автоматных очередей. Отстреливаясь, группа немцев уходила в сторону балки, к Бугу. Волошин приказал догнать и уничтожить, и бросился первым. Уйти противнику не удалось. Но замполит полка в перестрелке был ранен. Пуля прошла левое предплечье.

Сделав перевязку Волошин организовал работу по оборудованию вспомогательного узла связи и лишь после этого доложил начальнику политотдела армии полковнику Шепилову о ранении. Тот приказал Волошину возложить исполнение обязанностей на капитана Кротенко, а самому отправляться в госпиталь.

Вскоре в политотдел поступил рапорт: «Доношу, что сего числа возвратился из госпиталя и приступил к работе. Дальнейшее лечение разрешено проводить под наблюдением полкового врача. Майор Волошин».

Боевой путь комиссара отмечен пятью орденами и многими медалями. Два ордена Красной Звезды, Отечественной войны обеих степеней и Красного Знамени. Такие награды давались за подвиги. И подвиги были. Да и сама жизнь И.Я.Волошина - это тоже подвиг ежедневного, бескорыстного, честного служения Отечеству, своему народу, делу партии, которой он был беззаветно предан до конца.

В декабре 1954 года подполковник Волошин вышел в запас по выслуге лет. Четверть века отдана воинской службе.

Выделили семье в тихом предместье Борисовское, что под Бендерами, добротный особняк с ухоженным садом, аккуратными дорожками. Живи солдат в покое и благодати.

Не могла нарадоваться «своему углу» супруга Анастасия Федоровна. Намаялись они с дочуркой Нэлой без мужского пригляда. Почти три десятка лет женаты, а вместе жили лишь треть жизни. Все в разлуке. Лишь письмами разговаривали друг с другом. То писала ему на Дальний Восток, то на фронт. «Милый, родной Ванек. Получили твое письмо - спасибо за ласку». А какая ласка? Нэла растет способной, честной девочкой, но от постоянных лишений болезненная. И все без отца... Теперь, слава богу, вместе...

И трех месяцев не вытерпел Иван Яковлевич мирного комфорта. Душа рвалась к делу, к людям, к народу, в гуще которого его место и без которого ему хана.

В поисках подходящего дела походил по Бендерам. На рынке встретил бывшего сослуживца, полковника запаса - торговал яблоками. Такая «гражданка» Волошина не прельщала. Он помнил другую жизнь. В последнее время она часто возникала перед мысленным взором. Его тянуло в молодые годы, в родные края.

-Такая тоска навалилась, - говорил он мне там, у шалаша, - места себе не находил. Рассказал жене, она в слезы, до истерики. Ее понять можно.

Так весной 55-го Волошин вновь оказался в Кормиловке.

Анастасия Федоровна долго не могла простить «упрямства» мужа. Не хотелось ей оставлять тот уютный особнячок по Кишиневскому шоссе в тихом молдавском предместье. Может, тогда появилась первая трещина в их супружеской жизни. С годами она не загладилась. А может в долгих разлуках поослабли связи, что-то важное утратилось. На склоне лет они разошлись. Без шума и мелодрам. А через два или три года Анастасия Федоровна ушла из жизни. Волошин по-доброму проводил ее в последний путь. Все нехитрое совместно нажитое добро роздал соседям. Об этом и сейчас помнят в Алексеевке.

На четыре года пережил Иван Яковлевич Анастасию Федоровну. Инфаркт миокарда. Крутые изломы пережитого плотными рубцами спаялись на сердце, и оно

остановилось на 60-м году жизни. Кончина навечно соединила две судьбы. В одной оградке стоят безыскусные пирамидки с их инициалами.

...Как чем-то провинившийся, я торопливо рвал из могильного бугорка жесткие в рост человека стволы осота, молочая, лебеды. Казалось, причиняю боль усопшим. Но мертвым не больно. Больно должно быть живым. Глубоко проникли в души человеческие корни чертополоха. Из всех теперешних дефицитов, пожалуй, самый тревожный-дефицит памяти. Когда уходит память, черствеют души. И бездуховность бесцеремонно врывается в жизнь.

Несколько лет назад наведаясь в Кормиловский райком комсомола. Да, видать, в неурочное время затеял там разговор о памяти Волошина, о том, что неплохо бы нацелить поиск юных следопытов на исследование жизни этого незаурядного человека.

Райком только получил премию (кажется, автомобиль) за выращивание телят. И все помыслы элегантного, уверенного в себе секретаря райкома комсомола были о телятах.

-Что касается военно-патриотической работы, - назидательно констатировал он, - мы будем создавать музей Карбышева. Их везде сейчас создают. А ваш - как его? Волошин?... - он ведь не Герой Советского Союза.

Пытался уверить, что Волошин истинный герой. Не смог.

Да, мы любим все патетически провозглашать: «Никто не забыт, ничто не забыто!», «Помнить всех поименно»... А в жизни-забытые холмики, поросшие бурьяном.

Хочется верить, что наступит пора, когда у нашего затюканного перестройкой и реформами народа возродится достоинство и память. Лишь над памятью не властно время. Она позволяет нам расслышать не только доносящийся сквозь годы гул исторических событий, но и шепот участвовавших в них людей.

Литература:

1. Борисов И.Я. Слово о комиссаре / И.Я. Борисов // Нива.- 1990. – 2 янв. – С. 2.
2. Борисов И.Я. Слово о комиссаре / И.Я. Борисов // Нива.- 1990. – 6 янв. – С. 2.

3. Борисов И.Я. Слово о комиссаре / И.Я. Борисов // Нива.- 1990. – 13 янв. – С. 2.
4. Борисов И.Я. Слово о комиссаре / И.Я. Борисов // Нива.- 1990. – 20 янв. – С. 2.
5. Борисов И.Я. Слово о комиссаре / И.Я. Борисов // Нива.- 1990. – 27 янв. – С. 2.
6. Борисов И.Я. Слово о комиссаре / И.Я. Борисов // Нива. - 1990. – 3 фев. – С. 2.
7. Борисов И.Я. Слово о комиссаре / И.Я. Борисов // Борисов И.Я. Листая летопись времен... - Омск, 2006. – С. 267. – 286.